Волчек Галина Борисовна

Неделя. — 1991. — 17–23 июня (№ 25). — С. 13

ГОСТЬ 13 СТРАНИЦЫ

Выпуск 488-й

Сейчас в театре «Современник», как и в первые годы его существования, постоянные аншлаги. Для все новых поколений зрителей он остается одним из самых любимых театров столицы. Успех гастролей последних лет в США, Италии, ФРГ лишь подтверждает, что театр легко дышит, творит, развивается.

Галина Волчек

Художественный руководитель «Современника», народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР Галина Борисовна ВОЛЧЕК — сегодня гостья нашей 13-й страницы.

Гостью расспросил Вадим ВЕРНИК.

— Многие режиссеры обращаются к произведениям на темы, еще не так давно запретные у нас. В вашем репертуаре появились «Звезды на утреннем небе», «Мурлин Мурло» — спектакли, где жестко показана изнанка жизни, «Крутой маршрут» — реквием жертвам сталинских репрессий. Ставя эти спектакли, вы, наверно, в какой-то степени брали реванш за упущенные некогда возможности?

— Дело не в реванше. В названных спектаклях меня интересует не злоба дня, а проблемы, которые помогают лучше осмыслить сегодняшнюю нашу жизнь. Да, в «Звездах...» на сцене — проститутки. «Чернухой» можно назвать и «Мурлин Мурло». Но для меня в этих спектаклях гораздо важнее не социальный фон, а нравственный, философский аспект, попытка понять: почему мы утратили Бога в душе? В этом смысле я считаю закономерным появление в репертуаре «Современника» и пьесы Леонида Андреева «Анфиса»; в этом спектакле мы стараемся ответить на тот же вопрос, хотя он далек от реалий нашего времени.

Закономерно для меня и обращение к «Крутому маршруту». Пожалуй, самое острое из чувств, которые я способна испытывать, — непримиримость к несправедливости, лжи, к духовному и физическому насилию. Проблема человека, безвинно оклеветанного, названного «врагом», «предателем Родины», не давала мне покоя еще в те годы, когда я не знала и не понимала весь ужас происходившего в сталинских застенках. К репетициям «Крутого маршрута», автобиографического романа Евгении Гинзбург, приступила, как только его «сняли с полки», не дожидаясь, пока он будет напечатан целиком.

— Долгие годы руководимый вами «Современник», при всей верности постоянных зрителей, был под прицелом критики. Писали об утрате театром эстетических ориентиров, предвещали ему скорую гибель. Сейчас ситуация изменилась: восторги, славословия. Что же произошло на самом деле?

— Особых восторгов и славословий что-то не видно и не слышно. Но обстановка вокруг нашего театра, особенно после успешных зарубежных гастролей, стала в самом деле более доброжелательной. Длившаяся столько лет травля «Современника» — наверное, процесс естественный: в нем участвовали не просто отдельные люди, а целенаправленная сила. Кто-то хотел быть непогрешимым оракулом, предрекая театру гибель, подкрепляя свои выкладки историческими примерами. А для кого-то «кончина» «Современника» наступила сразу после ухода Олега Николаевича Ефремова. Кое у кого примешивались и личные обиды. Словом, причин для предвзятой критики было предостаточно. Она нам очень повредила.

Главное, нам долго не могли простить, что театр все-таки жив. Это не значит, что мы постоянно были на высоте — любой театр вправе ошибаться в своих творческих исканиях. Но мы старались оставаться честными. Может, правду со сцены говорили не до конца, но не лгали, это уж точно. Такой настрой в «Современнике» возник при Олеге Ефремове и держится по сей день.

— Вас, конечно, нападки на театр жестоко ранили?

— Рубцы останутся до конца моих дней. Не может человек столько лет находиться под постоянным «обстрелом», сохраняя при этом невозмутимость в душе... Гораздо реже теперь общаюсь со многими коллегами. Когда тебя постоянно «атакуют», страшно выходить на улицу; беда может достать из-за любого угла. Сейчас живу более замкнуто. «Современник» стал моей «внутренней эмиграцией».

— А производите впечатление сильной женщины. В любой ситуации — «железной леди». Это так?

— Жизнь закалила. Вечная борьба. Имидж, который создается моим положением, моей жизнью, ролями, несколько отличается от того, что есть на самом деле. Чего только я не слышала о себе, начиная от «алкоголички» (а я не пью ни капли, у меня больное сердце), заканчивая тем, что я «зверь», который держит всех в ежовых рукавицах... Наверное, трудно поверить, что я неимоверно ранима. Но кто узнает ближе, быстро это чувствует. «Современнику» отдаю всю силу, всю душу. А в остальном... Нет, не сильный я человек.

— Бывало, что крест «главрежа» казался непосильной ношей?

— Бывало, и не раз. Но я ко всему стараюсь подходить ответственно. Скажем, спрашивают: бросали ли вы когда-нибудь курить? Отвечаю, что попытаюсь это сделать в тот момент, когда поверю, что действительно смогу бросить. Так что я не спешу с заявлениями об уходе. Хотя однажды такое заявление все-таки написала, нервы не выдержали: слишком сильна обида «по линии» внутритеатральной. Но, как видите, не ушла.

— Галина Борисовна, когда вы почувствовали вкус к режиссуре?

— То не был рациональный момент, который позволил бы мне сразу все осознать. У меня это произошло почти случайно. В первые годы «Современника» на худсовете в конце сезона обсуждали фигуру каждого актера — на предмет его дальнейшего пребывания в театре. И вот группа «предупрежденных» о грядущем увольнении решила самостоятельно поставить спектакль «Пять вечеров» Александра Володина, чтобы доказать свою жизнеспособность. В то время я ждала ребенка, играть на сцене не могла, и актеры попросили, чтобы я, сидя возле сценической площадки, подкидывала им идеи. Это «сидение» вылилось в первый режиссерский опыт. Моя профессиональная гордость была тем более удовлетворена, что никого из «предупрежденных» (а среди них оказался и Слава Любшин!) в тот год не отчислили. Более того, спектакль включили в репертуар, хотя тогда же «Пять вечеров» поставил сам Ефремов. Некоторое время так и играли поочередно два спектакля — поразительная творческая щедрость Олега Николаевича!..

Ефремов справедливо, на мой взгляд, не допускал в театр «чужую» режиссуру: не было еще прочной «школы», эстетика только вырабатывалась, общий язык лишь рождался. После «Пяти вечеров» Олег Николаевич убедил меня поставить еще один спектакль — уже «официально». Я поставила «Двое на качелях» — эта вещь поныне в нашем репертуаре.

— Вы фактически отреклись от актерской профессии. Жалели об этом когда-нибудь?

— Театр не баловал меня хорошими ролями. За всю жизнь сыграла только три стоящие роли: Грачиху в «Без креста», мисс Амелию в «Балладе о невеселом кабачке» и Марту в «Кто боится Вирджинии Вульф?» Мы все в «Современнике» были воспитаны на убеждении: актер должен играть то, что нужно театру, одинаково серьезно относились и к главным ролям, и к эпизодам. Расставалась я с актерской профессией мучительно. После того, как поставила «Обыкновенную историю», за которую нам дали Государственную премию, меня решили перевести на режиссерскую ставку. Плакала: мне казалось, что прощаюсь с актерской судьбой навсегда. Слезы, как видите, были оправданны... Режиссура вытеснила из моей жизни актерские мечты, актерские притязания.

— У вас к моменту создания «Современника» был актерский опыт, помимо Школы-студии МХАТа?

— Нет, «Современник» — первый и единственный театр в моей судьбе. Правда, к середине четвертого курса стало известно, что меня в числе других однокурсников собираются взять в Художественный театр, но в итоге я оказалась за бортом. Ефремов, пробовавший себя в педагогике на нашем курсе, успокаивал меня, говорил, что не надо никуда устраиваться, поскольку у нас все равно будет свой театр. Я чуть было не уехала в Киев, в театр имени Леси Украинки: туда пригласил Михаил Федорович Романов на роль Лизы в «Горе от ума». Шли переговоры и с Юрием Александровичем Завадским. Однако Ефремов настоял, чтобы я отказалась от этих и других заманчивых предложений. И был прав.

— Ваши товарищи, вспоминая время становления «Современника», называют вас совестью театра. Рассказывают о вашей простоте, надежности, верности. После того, как вы возглавили — по их просьбе — театр, изменилось ли что-нибудь внутри вас?

— Как оценить себя со стороны? По-моему, я и сейчас достаточно демократична. Других отношений с актерами не понимаю. Стала менее доверчивой, но уж это жизнь корректирует свойства характера.

— «Современник» покидают актеры — то один, то другой, и старшего поколения, и молодые. Как воспринимаете эти уходы?

— Огорчаюсь. Всегда ревниво относилась к составу труппы «Современника»; чей-нибудь уход казался предательством. У нас ведь с самого начала был «бродячий» актерский состав. Кто-то подсчитал, что при Ефремове через театр прошло чуть ли не триста человек. Кто-то пробыл всего день, кто-то дольше. Но всерьез об уходах стали говорить только в тот момент, когда театр покинула большая группа актеров, которые перешли вместе с Ефремовым во МХАТ. В этих пересудах подчас не имело значения, какой именно уходил актер. Важно было подчеркнуть: из «Современника» бегут! Пожалуй, никто не ушел из театра мирно, безболезненно для всех нас, кроме Кости Райкина.

— Но вот парадокс. Труппа менялась, а «Современник» по-прежнему славится созвездием актеров. В их числе и такие звезды, как Марина Неелова, Елена Яковлева...

— Люблю своих актеров. Мне дороги не только ведущие мастера, но и те, кто играет маленькие роли, может быть, даже «на разовых». Их отношение к делу, любовь или равнодушие к театру — для меня важнейший показатель.

Вы назвали Марину Неелову. Она занимает особое место в моей жизни. Восторгаюсь ее актерским талантом, смелостью поиска. Она верит мне, а режиссеру это крайне важно. У нас с ней были непростые моменты в общении. На нее ведь тоже влияли, настраивали, стараясь дискредитировать меня как режиссера и руководителя театра. И все равно она осталась для меня близким человеком. У нас уже почти родственные отношения, — настолько сильно наше взаимопроникновение и понимание друг друга.

Лена Яковлева — из числа актрис, без которых я не смогла бы работать. Сразу почувствовала к ней симпатию, когда она «показывалась» в нашем театре. Вижу, что она хочет глубже постичь профессию, учится у старших, вижу ее доброжелательность, — все это очень помогает в нашем деле.

— Приходя к себе домой, вы остаетесь такой же или что-то в вас меняется?

— Дома предпочитаю покой. Редко удается отвлечься от мыслей о театре, о планах, гастролях, занятости актеров. Но стараюсь дома жить проблемами сына и невестки.

— Ваш сын, Денис Евстигнеев, пойдя по стопам своего деда — вашего отца,—обрел признание как кинооператор. Наверное, его фильмы вы смотрите с пристрастием?

— Честно говоря, я в эйфории от его работ и минусов не замечаю. Виктор Мережко как-то сказал: «В тебе материнское тщеславие гораздо сильнее, чем актерское и режиссерское». Это уж точно! Я росла в семье кинематографиста, наши соседи по дому — Ромм, Райзман. Кино было моим бытом, а театр оставался тайной, потому я и пошла на сцену. У Дениса все наоборот, в его выборе профессии тоже есть закономерность.

Сын — тема особая. Так сложились отношения, что он мой главный советчик, мой самый строгий зритель и судья. Не могу выпустить спектакль, пока его не посмотрит Денис.

— Многие отмечают ваш вкус, изысканность в одежде. Мода для вас — атрибут профессии?

— Я не консерватор, моду принимаю легко. Уважаю людей, которые следят за собой. Да, у меня есть свой стиль, важны и форма, и цветовая гамма. Воспринимаю мир прежде всего зрительно, а не на слух, — может, поэтому из всех видов искусства, помимо театра, мне ближе всего живопись. Понятие красоты, гармонии для меня важно не только в отношении людей, но и в любом проявлении жизни.

— Рукодельничаете?

— Нет. Не умею. Однажды Алиса Фрейндлих, очень близкая подруга, видя мое тяжелое состояние (я потеряла сон, не могла читать, мысли путались), сказала: «Буду тебя спасать. Давай делать бусы». «Ты, — говорю, — с ума сошла? У меня обе руки — «левые». И все-таки она приобщила меня к своему «изобретению»: делать бусы из пуговиц. Я занялась этим и успокоилась. В моих бусах стали ходить все подруги. Однажды на гастролях в Вильнюсе я зашла в магазин за очередной партией пуговиц. Продавщица, узнав меня, посмотрела настороженно: «Тут недавно Алиса Фрейндлих была и тоже купила много пуговиц. Зачем столько?» Я засмеялась, а потом позвонила Алисе: «Видишь, где нас «раскрыли»?»

— Галина Борисовна, как полагаете: в наше время, когда люди так напряжены, раздражены, способен театр вселять надежду?

— Да! Я в этом убеждена. Театр рождает живое чувство, пробуждает интерес, создает мир иллюзий, без которых невозможно прожить.

— Из ваших слов можно понять, что вы оптимистично смотрите в будущее Театра.

— Пожалуй, единственное, в чем я могу выглядеть оптимистом. После всего, что было в моей жизни, следую формуле: пессимист — это хорошо осведомленный оптимист.